

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Сергей
МИХАЛКОВ

НА МОЕМ молодом литературном пути было много памятных встреч и знакомств, жизнь щедро одарила меня дружбой с людьми незаурядными. Многим из них я обязан на всю жизнь...

Александр Александрович Фадеев.

Он был душевно щедр и скромен, добр и отзывчив, резок и принципиален в своих суждениях, даже тогда, когда в чем-либо ошибался. Он любил читать велух стихи, петь протяжные русские песни, бродить с ружьем по лесам и болотам, общаться с друзьями. Он умел спорить и полемизировать, защищать то, что ему нравилось, и нападать на то, что было противно его натуре.

Он был демократичен в самом прямом смысле этого слова, и его обаяние покорило собеседника раз и навсегда.

Таким я знал Александра Фадеева на протяжении двадцати пяти лет. Мне было двадцать три года, когда я, почитатель его «Разгрома», опубликовал в «Огоньке» стихотворение, посвященное А. Фадееву. Он заподозрил начинающего поэта в желании польстить ему, одному из руководителей Союза писателей. Увидев автора, он прямо так и сказал ему это, глядя в глаза. Но автор незрелых виршей написал стихи вполне искренне, и он поверил ему. И смирил гнев на милость, сказав при этом, что «стишки-то все-таки не ахти!».

Так состоялось наше знакомство.

Мои первые стихи для детей сразу обратили на себя его внимание. Он заинтересовался ими, взял на себя негласное шефство над молодым детским писателем и в 1938 году выступил в «Правде» со статьей «Стихи С. Михалкова», в которой с большой убежденностью поддержал мои опыты в новом для меня жанре поэзии для детей.

...О его принципиальности можно было судить хотя бы по такому факту, имеющему прямое отношение к автору этих строк.

В 1949 году на сцене Большого театра Союза ССР с успехом шла комическая опера Б. Сметаны «Проданная невеста». Спектакль был выдвинут на соискание Государственной премии, в числе коллектива участников и создателей спектакля стояла и моя фамилия как автора русского текста. На одном из решаю-

щих заседаний Комитета по Государственным премиям (членом которого был и я) по предложению А. А. Фадеева, являвшегося председателем комитета, моя кандидатура была снята с голосования.

После заседания Фадеев как ни в чем не бывало пригласил меня пообедать. Мы сидели у него дома, вдвоем, за обеденным столом, я, естественно, не удержался, чтобы не вернуться к интересующему меня вопросу. Ведь ни у кого, кроме Фадеева, не было сомнения в том, что я как автор русского текста «Проданной невесты» наряду с балетмейстером, режиссером и исполнителями могу считаться полноправным кандидатом на соискание высокой награды.

— И не думай! — сказал простодушно Фадеев, когда я изложил ему мои «веские доводы». — Ты можешь писать оригинальные произведения, а этот твой текст, может быть, сам по себе и хорош, да не самостоятелен! За эту работу премии тебе не полагается, и ты ее не получишь! Это я тебе говорю! Да, да! Вот так! Пиши больше для детей!..

Спектакль получил Государственную премию. В списке удостоенных звания лауреата я себя не искал. Но Фадеева любил и «зауважал» еще больше. Он был не из тех, кто мог «порадеть родному человечку», поступаясь своими принципами.

Саша, как мы привыкли называть Фадеева в своей среде, являл собой образец писателя-коммуниста, всем своим существом влияющего на развитие литературных процессов, отдающего все свои силы и помыслы делу служения Коммунистической партии и своему народу...

Самуил Яковлевич Маршак. Я познакомился с ним в середине тридцатых годов.

Пионерский отдел Московского городского комитета комсомола предложил мне принять участие в конкурсе на пионерскую песню. С комсомольской путевкой в кармане я выехал в один из пионерских лагерей Подмосковья, где прожил с ребятами около месяца. Вместе с ними ходил в походы, купался, удил рыбу, зажигал пионерские костры.

По возвращении я написал несколько песен («Песню о Павлике Морозове», «Песню о пионере Мите Гордиенко», «Песню о пионерском барабане») и совершенно неожиданно для себя несколько веселых стихов для детей, которые отнес «на пробу» в редакцию журнала «Пионер». Редактором журнала был талантливый писатель и журналист, один из неутомимых организаторов детской литературы (он погиб на фронте в первые же месяцы войны), — Борис Ивантер.

Мои стихи «Три гражданина» Ивантеру понравились, и они появились на страницах журнала. Успех меня скрывил. Теперь я дерзнул сочинить целую поэму для ребят. Это был первый вариант «Дяди Степы».

Прочитав поэму, Ивантер мне сказал:

— Теперь вы начали всерьез писать для детей. Надо бы вас познакомить с Маршаком.

Маршак жил в Ленинграде. И вот редакция «Пионера» командировала меня с рукописью «Дяди Степы» на консультацию к Маршаку.

...Самуил Яковлевич принял меня сразу же. П «Дядю Степу» прочитал при мне. Таков уж был стиль работы в этой редакции, где каждого нового человека встречали так, будто его самого и его рукопись давно уже здесь поджидали. Разговор с Маршаком мне хорошо запомнился. И если впоследствии я не счел своего «Дядю Степу» случайным эпизодом в литературной работе, а продолжал трудиться для юного читателя, то в этом, может быть, прежде всего заслуга Самуила Яковлевича Маршака.

Маршак был строгим и требовательным наставником. Он был нетерпим к дурным стихам, но он был убежден, что поэтам, в особенности молодым, сперва нужно указывать на сильные стороны их творчества, а затем уже на слабые, отмечая то, что безусловно получилось, и обычно начинал беседу с оценки лучших строк, советуя подтягивать до их уровня все остальные. Так он говорил о моем «Дяде Степе», в первую очередь сосредоточившись на том, что, с его точки зрения, заслуживало одобрения.

И впоследствии, когда я приходил к нему, уже на московскую квартиру, в его прокуренный кабинет, где он безотрывно трудился за своим заваленным книгами и бумагами письменным столом, поистине с фантастическим упорством отдавая творчеству и нисколько не заботясь о своем здоровье, он с прежним вниманием и доброжелательством слушал и читал мои новые стихи. Помню, он не раз повторял дорогую ему мысль и однажды написал в статье к моему пятидесятилетию, что любимыми становятся только такие детские писатели, которые по-настоящему одарены живым воображением, непосредственностью чувств, способностью играть всерьез — оставаясь детьми и в зрелые годы.

...«Друг мой, Маршак!» — так говорил о Самуиле Яковлевиче великий Горький. Вместе они создали детскую литературу, воспитавшую не одно поколение героев, разгромивших фашизм, покоривших целину и космос, строящих сегодня самое справедливое в истории человечества общество и отстаивающих мир на земле!